

Нам Хе Хен
Университет Йонсей, Сеул, Республика Корея
zean01@yonsei.ac.kr

Nam Hye Hyun
Yonsei University, Seoul, Korea
zean01@yonsei.ac.kr

ОПУЩЕНИЕ ОБЪЕКТА ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕГО ВЫДЕЛЕННОСТИ¹

OMISSION OF THE OBJECT OF A TRANSITIVE VERB FROM THE POINT OF VIEW OF ITS SALIENCE

Данная статья посвящена анализу опущения объекта в русской абсолютивной конструкции с переходным глаголом. В отличие от контекстуального, ситуативного эллипсиса, рассматриваемое явление не мотивировано информативной избыточностью и считается семантически и структурно полноценным. В работе представлена попытка выявить механизмы опущения объекта действия, исходя из положения о том, что опущение какого-нибудь компонента сигнализирует о его низкой выделенности на информативном и семантическом уровнях. Под низкой информативной выделенностью объекта подразумеваются случаи, когда объект не имеет определенного референта и информация о нем передвигается в фоновую сферу. Это происходит, когда об объекте нельзя упомянуть в силу его неизвестности (неограниченная кратность действий) или неважности (фокус не на объекте действия). Низкая семантическая выделенность объектного аргумента характерна для глаголов, которые по своей семантике ограничивают круг возможных объектов. Это глаголы с типичной сочетаемостью. А в случаях, когда объект получает большую семантическую значимость, он не может быть опущен. Примером этому могут служить глаголы, содержащие результативность объекта. Параллельно в статье рассматривается семантическая трансформация глагола, вызванная опущением его объекта.

Ключевые слова: опущение объекта, выделенность, нереферентность, предельность, селекционные ограничения.

This article analyzes the omission of the object in Russian absolute construction with a transitive verb. Unlike the contextual, situational ellipsis, the phenomenon is not motivated by informative redundancy and is considered semantically and structurally complete. The article presents an attempt to identify mechanisms of the omission of the object

---

¹ This work was supported by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea (NRF-2020S1A5A2A01040629).

of action, proceeding from the position in which the omission of any component signals its low salience on the informative and semantic levels. In the case of the low informative salience of an object, the object does not have a specific referent, and information about it moves into the background sphere. This happens when the object cannot be mentioned due to its uncertainty (unlimited multiplicity of actions) or unimportance (the focus is not on the object of action). Low semantic salience of the object argument is characteristic of verb that through its semantics limits the possible range of objects. These are verbs with typical collocations. Moreover, in cases where an object gains great semantic salience, the object cannot be omitted. An example of this would be verbs that contain the result state of an object. In parallel, the article discusses the semantic transformation of the verb caused by the omission of its object.

Keywords: omission of object, salience, non-referentiality, telicity, selectional restriction.

1. Введение

Глагол имеет определенное, фиксированное количество аргументов, среди которых ядерными (core arguments) являются субъект непереходного глагола (S), субъект переходного глагола (A) и объект переходного глагола (O). Однако эти ядерные аргументы не всегда получают эксплицитное выражение, и считается, что их альтернатива мотивирует синтаксические деривации (Aikhenbald, Dixon 2011). Например, опущение субъекта возникает особенно часто во флективных языках, где на референт субъекта указывает грамматическая форма глагола главной клаузы (matrix verb). Во многих языках не менее широко распространено и опущение объекта. При этом мы не рассматриваем ситуативный, контекстуальный эллипсис, когда недостающие члены предложения показываются ситуацией, жестом или в контексте (Карданова 2012: 157), представленный в (1).

(1) Пока Валька суетится в поисках такси до Ялты, я обхожу торговые ларьки, спрашиваю *открывалку для пива*. Нигде нет. (...) — В Ялте *купишь!* — кричит Валька. — Поехали скорее, такси *ждёт* [Г. Горин. Чем открывается пиво? (1960–1985)].

В этом примере опущенный объект глагола «купить» понимается как референт именной группы в предшествующем контексте — открывалка пива, а неэксплицитный объект глагола «ждать» понимается как наиболее дискурсивно выделенные участники коммуникации — говорящий и слушающий.

В данной статье мы обратимся к случаям опущения объекта, не мотивированным информативной избыточностью. В нижеприведенных примерах выделенные глаголы не имеют эксплицитного объекта, хотя являются переходными, при этом имплицитный объект не имеет антецедента в предшествующем контексте.

(2) Сколько уж раз на деле убеждался Егор, что всё же человек никогда до конца не забывается — всегда, даже в страшно короткое время, успеет подумать:

что будет? И если *убивают*, то — хотели *убить*. Нечаянно *убивают* редко [В. Шукшин. Калина красная (1973)].

(3) Все он делал сам — сам *пахал, сеял, жал, молотил*, сам пек хлеб [Протоиерей Михаил Селищенский, миссионер и свидетель Христов. *Журнал Московской патриархии*, 2003.10.27].

(4) Ну и снёс он их своим трактором. Дурацкое-то дело — быстрое. *Ломать — не строить*. Ох, ты Русь-матушка [Круши, чтобы не думать. *Криминальная хроника*, 2003.07.24].

В русском языке такое опущение объекта можно определить как абсолютивное употребление переходного глагола. В Словаре лингвистических терминов «абсолютивный» определяется как «самодовлеющий, не требующий распространения и уточнения другими словами» (Ахманова 1966: 219)². Данный термин подчеркивает семантическую и структурную полноценность абсолютивного употребления переходного глагола, в то же время предложение с контекстуальным эллипсисом считается неполным.

Если контекстуальный, ситуативный эллипсис мотивирован когерентными связями в контексте или ситуации, то опущение объекта в абсолютивной конструкции обусловлено, по-видимому, иными причинами и имеет свои особенности, связанные с транзитивностью, а также с изменениями в семантике глагола или предложения в целом.

Опущению объекта глагола было посвящено много работ, исследовавших это явление на материале разных языков, в которых выявлены разные факторы, тем или иным образом влияющие на опущение объекта глагола. Что касается русского языка, нулевой объект в абсолютивной конструкции не получил должного внимания исследователей, поскольку в русском языке существует множество «нулей», и в научной литературе чаще рассматривались эллиптические предложения с нулевым глаголом-сказуемым³. Примеры: Вы летом на юг (*едете*)?; Я не об этом (*говорю*); Паркет мы мастикой (*натираем*); Воду (*наливать*) в миску?

В данной работе мы предлагаем общее определение явления опущения объекта в русском языке. Для этого мы классифицируем основные факторы опущения объекта, параллельно описывая изменения, привнесенные опущением объекта в семантику глагола и предложения в целом.

В данном исследовании мы исходим из положения АдельГолдберг: «опущение вследствие дискурсивной выделенности (Omission under Low Discourse Prominence). Определяя конструкцию с опущенным объектом типа *She contributed Ø to the Leukemia Foundation* как «конструкцию депрофилерованного объекта (Deprofiled Object Construction)», она делает следующий вывод: опущение объектного аргумента возможно, когда он истол-

² В западной лингвистике термин «absolute», хотя не очень употребителен, но имеет сходное значение, т. е. указывает на «синтаксическую независимость» (relatively independent syntactically). Пример: *The charity asked him to give Ø*.

³ В связи с этим интересно вспомнить утверждение Д. Вайса о свойственной русско-му языку «любви к нулю» (*die Liebe zur Null, die Faszination der Leere*) (Weiss 1993: 48–82).

ковывается как преуменьшенный (deemphasized) в дискурсе по сравнению с действием. То есть опущение объектного аргумента возможно, когда он не является актуальным (или центральным) в дискурсе, а действие особенно подчеркивается (Goldberg 2001: 514).

Вышеупомянутое положение Адель Голдберг мы предлагаем модифицировать следующим образом: если какой-нибудь компонент получает синтаксическое повышение, это мотивируется желанием его выделить на информативном и семантическом уровне, т. е. свидетельствует о его актуализации или выдвигании на передний план (foreground), и наоборот, если какой-нибудь компонент подвергается синтаксическому понижению или опущению, это сигнализирует о его низкой выделенности, т. е. о его передвижении в фоновую сферу (background). Именно исходя из этой точки зрения, в данной работе мы попытаемся выделить основные факторы опущения объекта переходных глаголов и проанализировать их в соотношении с низкой выделенностью объекта на информативном и семантическом уровнях.

2. Теоретические исследования опущения объекта глагола

Поскольку опущение объекта переходного глагола распространено в разных языках, этому вопросу были посвящены работы, выполненные на материале многих языков, в частности, английского⁴. Рассмотрим некоторые наиболее репрезентативные работы по этой теме. Монография М. МакШейна «A Theory of Ellipsis» посвящена разным типам невербализации аргументов глагола на материале английского, русского и польского языков. По мнению автора, помимо контекстуального, ситуативного эллипсиса, выделяются следующие типы опущения объекта: неэксплицирование генерализованного одушевленного объекта (Generalized Human Non-Expression) (5), невыражение объекта при перечислении глаголов (Series Non-Expression) (6), невыражение типичного объекта глаголов (Non-Selection) (7) и невыражение объекта, мотивированное модальностью (Modal-Induced Non-Expression) (8) (McShane 2005: 114–127).

(5) Вам понадобились великаны . . . Они только в сказках хороши, а так они пугают.

(6) Разразись, ураган! Лети по свету, как бешеный зверь! *Рви, ломай, круши!*

(7) Таня *читает* на крыльце.

(8) Джинджи был здоровый и сильный, *умел хотеть* и точно знал, чего хочет.

Б. Левин группирует английские глаголы на основе их синтаксических свойств. В ее работе нереализация объектного аргумента считается одной

---

⁴ Обстоятельный обзор работ по опущению объекта предлагается в работе (Ruda 2017).

из синтаксических альтернатив глагольного управления (Unexpressed Object Alternations), которую далее она подразделяет на подвиды в зависимости от интерпретации имплицитного объекта и семантики глаголов (Levin 1993: 33–41). Приведем несколько подвидов, выделенных автором: опущение неспецифицированного объекта (Unspecified Object Alternation) (9), опущение объекта — частей тела (Understood Body-Part Object Alternation) (10), опущение затронутого генерализованного объекта (PRO-arb Object Alternation) (11), опущение объекта действия как характерного свойства субъекта (Characteristic Property Alternations) (12).

(9) Mike ate $\emptyset$ (the meal).

(10) The departing passenger waved $\emptyset$ (his hand) at the crowd.

(11) That movie always shocks (people).

(12) That dog bites $\emptyset$ (people).

Эти подвиды характеризуются определенными типами глаголов. При опущении неспецифицированный объект получает базисную интерпретацию в соответствии с семантикой глагола, поэтому такой альтернативе подвергаются глаголы с довольно типичной сочетаемостью (Levin 1993: 33). Примеры: *bake, carve, chop, clean, cook, crochet, draw, drink, dust, eat, embroider, hum, hunt, fish, iron, knead, knit, mend, milk* и др. В то же время опущение имплицитного объекта — частей тела наблюдается при тех глаголах, которые указывают на конвенциональные жесты с частями тела. Примеры: *bob (hair), braid (hair), brush (hair), clip (nails), coldcream (face), comb (hair), condition (hair), crimp (hair)* и др. Что касается опущения затронутого генерализованного объекта, сфера его применения ограничивается глаголами, чьи имплицитные объекты могут интерпретироваться как «люди». Примеры: *admonish, advise, caution, counsel, warn, abash, affect, alarm* и др. Опущение объекта действия как характерного свойства субъекта указывает, что субъект обычно демонстрирует склонность к действию, названному глаголом. По мнению Б. Левина, трудно охарактеризовать глаголы, демонстрирующие эту альтернативу, хотя кажется, что это довольно ограниченный набор⁵.

Также опущение объекта рассматривалось в соотношении с событийной структурой глагола. По мнению М. Раппапорт Ховав и Б. Левина, в изучении (не)реализации объектного аргумента релевантна оппозиция глаголов способа (*manner verb*) и глаголов результата (*result verb*) (M. Rappaport Hovav & B. Levin 2010: 21–38). Первые несут в себе описание образа действия, но не результата (*run, wash, hit, sweep*), вторые — описание результата, но не образа действия (*kill, break, fill*). Событийные структуры глаго-

⁵ Интересно отметить, что опущения объекта типа (10), (12), т. е. опущение объекта — частей тела и опущение объекта в контексте характерного свойства субъекта, соответствуют русским возвратным глаголам. Примеры: *Умываюсь*, как и большинство, редко, *бреюсь* тоже редко, весь зарос [М. Шишкин. Письмовник (2009)]; *Небось, милая — сказал он Лизе, — собака моя не кусается* [А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830)].

лов способа и глаголов результата можно представить в виде следующих шаблонов.

- a) [x АСТ<MANNER>]
- b) [[x АСТ] CAUSE [y BECOME <RESULT-STATE>]]

Согласно условиям реализации аргументов (Argument Realization Condition) аргументы, указанные в шаблоне, должны быть реализованы в синтаксисе, а неуказанные могут не получить синтаксической реализации (Rapraort Hovav & B. Levin 1998: 113). Значит, в отличие от глаголов результата глаголы способа не требуют обязательной синтаксической реализации аргумента.

- (13) a. John swept the floor. — John swept $\emptyset$. (Глагол способа)
- (14) John broke the window. — *John broke $\emptyset$. (Глагол результата)

Как видно из (13)–(14), в отличие от глагола *break* глагол *sweep* допускается без прямого дополнения. В этом случае вводится неопределенная ситуация, изменения, происходящие с объектом в результате действия, не включаются в содержание сообщения, и акцент делается на агенте или его действии.

Что касается опущения объекта в русском языке, по расчетам А. Б. Летучего, безобъектное употребление переходных глаголов занимает примерно 8% от всех их употреблений. Помимо синтаксического эллипсиса, т. е. опущения объекта, выраженного в том же предложении (в нашем понимании — контекстуального эллипсиса), он выделяет следующие типы опущений объектов (Летучий 2010: 290–291):

- a) опущение нереферентного актанта без дополнительных условий.
Пример: Он *убивал* уже не раз;
- b) опущение нереферентного актанта в контексте модального глагола.
Пример: Эти парни *умеют убивать*;
- c) опущение нереферентного актанта при неактуальной ситуации.
Пример: Он стал преступником. Он *грабит* и *убивает*, В Турции за это *убивают*.

В научной литературе, посвященной опущению объекта глагола гораздо меньше внимания уделялось собственно синтаксическим факторам. Лишь некоторые ученые отмечали, что употребление глагола в сочинительной конструкции (Он не спит, а читает) облегчает опущение объекта (Акимова 1990: 25, Норман 2016: 201, Сигал 2018: 158).

- (15) Там у нас и кино, и бильярд, и игры всякие, — сказала она, ласково ко мне наклонившись. — Кружок «Умелые руки» есть. Будете там *лепить*, *вырезать*, *клеить* [П. Санаев. Похороните меня за плинтусом (1996)].
- (16) Мачеха, всхлипывая, садится к зеркалу, а Золушка подает ей диковинные перья. — Я работаю, как лошадь. Бегаю, хлопочу, *требую*, *добываю* и *добываюсь*, *очаровываю* [Г. Скороходов. Разговоры с Раневской (2008)].

Ученые рассматривали также семантические изменения, вызванные опущением объектного аргумента. Если наличие объекта считается обязательной предпосылкой транзитивности, то в случаях абсолютного употребления, когда правая валентность глагола остается так и не реализованной, можно полагать, что в семантике глагола нейтрализуется «направленность действия на объект». В связи с этим К. Сигал утверждает, что в силу сокращения валентностных потенциалов глагол сдвигается в сторону непереходности и создается новая смысловая акцентуация (Сигал 2018: 158–159).

Проведенный краткий обзор показал, что абсолютное употребление переходного глагола представляет собой многофакторный процесс, также были выявлены различные факторы, влияющие на опущение объекта: семантика глагола, референциальные свойства объекта, модальная рамка, видовые характеристики глагола, употребление глаголов в сочинительном ряду и др. Все это свидетельствует о том, что опущение объекта находится на пересечении лексико-семантического, синтаксического и прагматического уровней языка. В связи с этим Ч. Филлмор пишет, что в опущении объекта задействованы настолько разные факторы, что ни одно чисто семантическое или прагматическое соображение не может дать полного объяснения дистрибуции этого явления (Fillmore 1986). Однако в научной литературе эти факторы описывались в основном фрагментарно и соотношения между ними не выяснялись.

В связи с этим данная работа ставит целью интерпретировать и классифицировать факторы опущения объекта с точки зрения его выделенности и тем самым представить общую картину нереализации объектного аргумента глагола в русском языке. С этой целью ниже будут обсуждаться факторы опущения объекта с точки зрения его информативной и семантической выделенности.

3. Низкая информативная выделенность объекта глагола и его опущение

Под низкой информативной выделенностью объекта мы понимаем случаи, когда объект не имеет определенного референта и информация о нем передвигается в фоновую сферу. Это бывает когда невозможно или необязательно назвать объект действия в силу его неизвестности и неважности. Объект бывает неизвестным, неспецифицированным когда ситуация представляется повторяющейся. Еще информация о нем теряет значимость, когда делается акцент не на объекте, а на других компонентах предложения. Посмотрим подробнее.

3.1. Неограниченно-кратный контекст

Когда глагол называет повторяющееся действие, его объект не соотносится с конкретным референтом и теряет информативную значимость,

что обуславливает нереализацию объектного аргумента. Это бывает прежде всего в узуальной и генерализованной ситуациях.

(17) Теперь все *крадут*, сами знаете, сами знаете [Е. Замятин. Пещера (1921)].

(18) 15% отметили, что совершают покупки не только из дома или офиса, но и в транспорте, торговых центрах или ресторанах; 7% признались, что *покупают* через интернет, находясь в реальном офлайн-магазине [Повестка дня. *Эксперт*, 2014].

(19) Что вы! — закричали турки. — В Турции жаловаться нельзя, в Турции за это *убивают* [Ф. Искандер. Дедушка (1966)].

Невозможность соотнесения объекта действия с конкретным референтом проявляется и в модальном контексте, поскольку в нем представлена не эпизодическая, а потенциальная ситуация. В нижеприведенных примерах модальность передается комбинацией глагола, прилагательного и существительного.

(20) Но вместе с большой идейной страстностью он соединял органическую естественную мягкость и внимательность в обращении, *способную привлекать и очаровывать* [В. Чернов. Записки социалиста революционера (1922)].

(21) У него был *талант располагать* к себе, талант доверительности. [Ю. Черниченко. Целина (1966)].

(22) ..она окончила школу тренеров и много лет вела группу здоровья на заводе «Мотордеталь». Умеет водить машину и моторную лодку; также *умеет косить и доить, вяжет, шьет, вышивает, рисует, фотографирует*, выделяет шкурки [Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007)].

(23) Не знаешь, где *найдешь*, где *потеряешь*; Дальше *положишь* — ближе *возьмешь*.

(24) Давай, человек, шагай, жуй свою солянку, пока дают. Оно верно, от сала не умрешь, салом не *убьешь* [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней (2001)].

Таким образом, объект не может соотноситься с конкретным референтом в итеративном контексте, осложненном генерализованностью, узуальностью и модальностью. При этом опущение объекта может приносить определенное изменение в семантику глагола. Относительно этого Ю.Д. Апресян отмечает, что глагол, изначально выражающий прототипическое «действие», попадая в абсолютивную конструкцию, регулярно переходит в класс «деятельность», «занятие», «способность» (Апресян 2003)⁶.

⁶ В фундаментальной классификации Ю. Д. Апресяна классы глаголов определяются следующим образом. «Действие» — акциональные глаголы, имеющие семантический примитив «делать», причем время существования ситуации, называемой этим глаголом, укладывается в один раунд наблюдения. «Деятельность» — глаголы, обозначающие совокупность разнородных и разновременных действий, причем время существования ситуации растягивается на несколько или много раундов наблюдения. «Занятие» — глаголы, обозначающие действие, непосредственной целью которого является само это действие. «Свойство» — глаголы, характеризующие предмет на протяжении всего времени его существования. Этим оно отличается от «Состояния», характеризующего предметы в течение определенного времени (Апресян 2003).

Мы считаем, что в случаях опущения объекта в итеративном контексте глаголы переносятся именно в класс «деятельность», называя совокупность одновременных действий. Поскольку глаголы «деятельности» называют действие, растягивающееся на несколько раундов наблюдения, они лишены актуально-длительного значения НСВ. Итак, в вышеприведенных примерах (17)–(22) употребляются глаголы НСВ, но они лишены актуально-длительного значения и интерпретируются как узуальные. А в примерах (23)–(24) употребляются глаголы СВ в потенциальном значении.

В связи с этим стоит упомянуть синтаксические конструкции, в которых часто происходит опущение объекта в итеративном контексте. Как видно из примеров, это часто происходит именно в неопределенно-личной конструкции с глаголом 3-го л. мн. ч. и обобщенно-личной конструкции с глаголом 2-го л. ед. ч. (см. примеры (19), (23), (24)). Обе эти конструкции способны представить ситуацию как неактуальную, повторяющуюся, но есть тонкое семантическое различие. Специфическая семантика обобщенно-личной конструкции заключается в потенциальной причастности любого лица (в первую очередь, говорящего и его собеседников) к описываемой ситуации, в то же время в неопределенно-личной конструкции типизированные ситуации характеризуются отстраненно от говорящего как обобщение чужого опыта (Нам Хе Хён 2018: 277–278). Ю. П. Князев охарактеризовал неопределенно-личную конструкцию как формулирование правила, а обобщенно-личную конструкцию как его обоснование на основе личного опыта (Князев 2007: 143, 2015: 146). Именно поэтому неопределенно-личные конструкции употребляются часто именно в узуальном, генерализованном контексте. А обобщенно-личные конструкции — в потенциальном, модальном контексте, и при этом в них характерны употребление глаголов СВ с потенциальным значением.

3.2. Фокус не на объекте действия

Передвижение объекта в фоновую зону информации характерно и для тех случаев, когда делается акцент на компонентах, отличных от объекта действия. Например, при перечислении действий одного лица или сопоставлении действий разных лиц выделяется само действие, и становится несущественной вербализация объекта действия⁷. В связи с этим мы можем понять, почему вышеупомянутый сочинительный ряд предикатов облегчает опущение объекта действия.

(25) А то ее сдаете, а мне ничего не платите. Я как бобик вкалываю на вас...
Бесплатная домработница... С Кузей сижу, варю, глажу, стираю, убираю...

⁷ Подобное явление наблюдается и в английском языке. Примеры: Driver to police officer: If I give you \$50, will you ignore this traffic violation? Police officer to driver: You pay $\emptyset$, I'll ignore $\emptyset$.; Martha cooked $\emptyset$ and cleaned $\emptyset$ while Mary entertained $\emptyset$ (Примеры взяты из M. Ruda 2017: 167).

По магазинам... Ни ночи, ни дня [Л. Петрушевская. Город Света. *Октябрь*, 2003].

(26) Представим, что муж по дому ничего не делает, а жена *моет, готовит, убирает* [Е. Береснева. Телёнок из Простоквашина и Нобелевская премия (2016)].

Стоит отметить, что в этих примерах действия, названные глаголами, оказываются узуальными, поскольку описывается типичная, рутинная ситуация. Значит, здесь опущение объекта мотивирует не только фокус не на объекте действия, но еще и итеративность действий.

Мы предполагаем, что в сообщении есть определенная семантическая ёмкость. Если какой-то компонент получает больше нагрузки, остальные компоненты теряют свою семантическую весомость. Наоборот, если какой-то элемент теряет семантическую нагрузку, обычно она переносится на другие компоненты. Как видим, в примерах (25), (26) сообщение описывает ролевые стереотипы субъекта-производителя действия. По-видимому, в этих примерах семантическая нагрузка опущенного объекта переносится на субъект и само действие.

От объекта действия внимание может переноситься и на образ совершения действия. Поэтому в опущении объекта нередко особую роль играют сирконстанты, характеризующие действие со стороны времени, места, качества, интенсивности и тогда уже конкретная цель действия не интересует говорящего (Шведова и др. 1980: 615).

(27) Только бабушка не изменила старине и *пряла по-прежнему при лучине, на кухне* [М. Кучерская. Тетя Мотя (2012)].

(28) Вы *стройте, стройте*, конечно, *с верой в любовь или хоть в чёрта лысого*, но постройте-ка что-то нормальное, качественное, что будет стоять без костылей [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней (2001)].

Как при опущении объекта в контексте многократных действий, так и в этом случае происходит определенная семантическая трансформация. Как было показано выше, здесь при отвлечении от объекта акцент делается на самом действии или на образе его совершения, и конкретная цель действия уже не важна. Пользуясь терминами Ю. Д. Апресяна, можно полагать, что глаголы переносятся в класс «занятие». «Занятие» отличается от «действия» лишь тем, как интерпретируется действие с точки зрения цели. То есть, если само действие становится целью, то глагол относится к «занятию», а если есть какая-нибудь другая цель, его скорее можно отнести — к «действию». Поэтому если, как в рассматриваемом случае, акцент делается на самом действии или образе его совершения, глагол переходит в класс «занятие» (см. примеры (27), (28)). При этом глаголы «занятия» не отличается от «действия» в видовом отношении. Поэтому глаголы в примерах (27), (28) могут интерпретироваться как актуально-длительные или общефактические.

Глаголы в рассматриваемом случае также могут переходить в класс «свойство», характеризующий предмет на протяжении всего времени его существования, поскольку сообщение может описывать ролевые стереотипы субъекта-производителя действия или его типичную ситуацию (см. примеры (25), (26)). В отличие от «действия» глаголы «свойства» не имеют актуально-длительного значения, поэтому глаголы в (25), (26) не интерпретируются как актуально-длительные и выражают скорее узувальные действия.

Таким образом, неограниченно-кратный контекст и фокус не на объекте действия снижают информативную значимость объекта, что способствует его опущению. Однако и в таких контекстах не все глаголы свободно опускают объект. Например, следующие глаголы редко употребляются без эксплицитного объекта даже в неограниченно-кратном контексте: «испытывать», «переносить», «предпочитать», «ожидать», «делать», «смотреть», «показывать». Ср.: *Каждый день он испытывает; *Он не любит переносить; *Мы не хотим предпочитать; *Дети обычно ожидают. Из этого можно сделать вывод, что на опущение объекта влияет еще и семантика глагола. Об этом речь пойдет далее.

4. Низкая семантическая выделенность объекта и его опущение

Как было сказано выше, в русском языке есть эллиптические предложения с незамещенной позицией глагола-сказуемого. Примеры: Татьяна в лес, медведь за нею; Надолго к нам?; Я не об этом; Откуда я знаю, за что он его. Здесь присутствие определенных падежных форм индуцирует семантически диффузный образ глагола движения, речи, физического воздействия и др. А в случае опущения объекта глагол может служить своего рода точкой отсчета, через которую адресат идентифицирует имплицитный объект. Мы считаем, что в таких случаях информация об объекте действия переходит в фоновую сферу семантики глагола.

4.1. Ограниченная сочетаемость глагола с объектом и его опущение

Низкая семантическая значимость объекта характерна при глаголах, которые своей семантикой «намекают» на круг возможных объектов или как бы поглощают объект и не «страдают» семантическим ущербом при его отсутствии. В связи с этим в западной лингвистике возможность нулевого объекта действия объясняется именно степенью селекционной предпочтительности (Selectional preferences) (Resnik 1996: 127–159). То есть если глагол по своей семантике отдает определенному объекту высокое селекционное предпочтение, это значит, что сама семантика глагола уже указывает на возможный объект. Например, глаголы, подвергающиеся «альтернации неспецифицированного объекта» (Unspecified Object Alternation),

имеют довольно устойчивую сочетаемость с объектом (Levin 1993: 33). Примеры: *bake, carve, chop, clean, cook, crochet, draw, drink, dust, eat, embroider, hum, hunt, fish, iron, knead, knit, mend, milk, mow, nurse, pack, paint, play, plow, polish, read, recite, sew, sculpt, sing, sketch, sow, study, sweep, teach, type, sketch, vacuum, wash, weave, whittle, write.*

Поскольку сочетаемость относится к логической сфере языка, большинство русских эквивалентов вышеуказанных английских глаголов имеет достаточно определенную сочетаемость с объектом. Примеры: *рубить, чистить, готовить, вязать, рисовать, пить, есть, гладить, доить, косить, рисовать, пахать, читать, шить, лепить, петь, сеять, мести, печатать, пылесосить, прясть, писать* и др. В случае невербализованности объекта действий, названных этими глаголами, адресат интерпретирует его как типичный, наиболее характерный для этого глагола, например, еда для глагола «есть», текст для глагола «писать» и «читать», поле для глагола «пахать», семя для глагола «сеять», шерсть для глагола «прясть» и т. п.

(29) Дядя наравне с крестьянами *пахал, сеял*, собирал урожай [С. Голицын. Записки уцелевшего (1980–1989)].

(30) Из школы все уйдут, а он сидит в канцелярии, *печатаем* [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)].

(31) Вечер, все дома, мама *гладит*, раздувает утюг, широко раскачивает его, утюг тяжёлый [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)].

Из этого следует, что глаголы с широкой сочетаемостью редко подвергаются абсолютивации. Именно поэтому вышеупомянутые глаголы «испытывать», «переносить», «предпочитать», «ожидать», «делать», «смотреть», «показывать» не допускают опущение объекта даже в генерализованном, узуальном контексте⁸. Если элиминируется объект действия таких глаголов, это приводит к эффекту обманутого ожидания. В связи с этим опущение объекта иногда служит стилистической фигурой в абсурдистской литературе (Норман 1994: 182).

(32) Затонская была удивлена моим ответом на экзамене. И довольна, как бывает доволен преподаватель, который от вас не *ожидал* [Н. Давыдова. Никто никогда (1974)].

Регулярное опущение объекта может приводить к появлению нового значения у глагола. Традиционно считалось, что при конвенциональном

⁸ Справедливости ради надо отметить, что и у глаголов с широкой сочетаемостью бывает безобъектное употребление подобно абсолютному. Примеры: Когда чиновник *берет* и об этом сразу узнают, возникает лавинообразный процесс: *начинают давать, давать...* А если не *берет* — слух тоже распространяется, и перестают даже *предлагать*; А завтра они поедут точно. На лыжах или так погуляют, а вечером еще немножко *встрелят* с подругой (примеры взяты из [Норман 1994: 181]). В первом примере опущенный объект глаголов «брать», «давать», «предлагать» понимается как взятки, а в следующем объект глагола «встрелят» — Новый год. Здесь интерпретация опущенного объекта апеллирует к общему опыту говорящего и адресата. Такое явление мы можем назвать окказиональным абсолютным употреблением.

отсутствии объекта происходит семантическое стяжение или конденсация, и глагол обогащает свою семантику за счет включения лексического значения опущенного объекта (Шмелев 1973: 180, Боброва 1979: 75–76). Например, абсолютное употребление глаголов «есть», «пить», «готовить», «водить» имеют то же самое значение что и глагольное словосочетание с прямым объектом «принимать питание», «употреблять алкогольные напитки», «готовить пищу» и «водить автомобиль». Примеры: Он уже *поел*; По пятницам он *пьет* с друзьями; Ты умеешь *водить*? Словари иногда выделяют абсолютное употребление глагола как особое его значение. Например, в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой абсолютные употребления «пить» и «готовить» представлены как отдельные непереходные значения: «употреблять спиртные напитки часто, в большом количестве; пьянствовать» и «заниматься приготовлением пищи»⁹.

Таким образом, регулярная нереализация объектного аргумента может приводить к изменению семантики и транзитивности глагола¹⁰. Если признать абсолютное употребление глагола как его отдельное непереходное значение, то такие глаголы включаются в группу лабильных глаголов (*labile verbs*), имеющих и переходное и непереходное употребление. Можно сказать, что лабильные глаголы — это не что иное, как глаголы, для которых абсолютное употребление столь привычно, что они фиксируются в словарях как одновременно переходные и непереходные¹¹.

(33) а. Олег *сыпал* в кофе сахар. — б. К тому же дорогу замело, и *сыпал* снег.

(34) а. Вася *льёт* воду в кастрюлю — б. Из труб *лила* вода.

4.2. Результативность как фактор, запрещающий опущение объекта

Если низкая семантическая выделенность объекта мотивирует его опущение, то, наоборот, семантический акцент на объекте «обязывает» его

⁹ Ссылки на толкования слов «пить» и «готовить» в *Современном толковом словаре русского языка* Т. Ф. Ефремовой: <https://gufo.me/dict/efremova/пить> ; <https://gufo.me/dict/efremova/готовить> .

¹⁰ Обращая внимание на потерю переходности в случае опущения объекта, ученые отмечали параллелизм между абсолютным употреблением переходных глаголов и возвратными глаголами, образованными от этих глаголов (Янко-Триницкая 1962: 72–76, 172–174, Нам Хе Хён 2020), так как в русском языке возвратная частица -ся является сигналом непереходности. Ср.: Горчичник *сильно жжёт* / *сильно жжётся*.

¹¹ См. толкования глаголов «лить», «сыпать» в словаре Т. Ф. Ефремовой. Лить. несов. *перех.* и *неперех.* 1. *перех.* Заставлять течь, литься что-либо жидкое. 2. *неперех.* Течь сильно или непрерывным потоком. 3. *перен. перех.* Издавать, испускать, распространять (свет, запах). Ссылка: <https://gufo.me/dict/efremova/лить> ; Сыпать. несов. *перех.* и *неперех.* 1. *перех.* Ронять, бросать, кидать или заставлять падать, постепенно выпуская из рук что-либо сыпучее или мелкое. 2. *перех.* Просыпать. 3. *разг. неперех.* Идти, выпадать (о частом мелком дожде, снеге и т. п.). 4. *перен.* Посылать, направлять что-либо на кого-либо во множестве. || Щедро наделять чем-либо. 5. *перен. разг. неперех.* Быстро без умолку говорить. 6. *перен. простореч. неперех.* Бежать, мчаться очень стремительно. Ссылка: <https://gufo.me/dict/efremova/efremova/сыпать> .

реализовываться эксплицитно. Объект получает наибольшую значимость, когда подчеркивается изменение его состояния в результате совершения действия, названного глаголом. Именно в этой связи при изучении вопроса об опущении объекта часто упоминается разделение глаголов способа (*manner verb*) и глаголов результата (*result verb*), а также утверждается, что глаголы результата требуют обязательной реализации объекта, а глаголы способа допускают его опущение. Другими словами, наличие результативности в семантике глагола повышает семантическую значимость объекта, что в свою очередь обязывает его поверхностную реализацию. При этом также релевантна предельность (*telicity*) в семантике глагола, так как действие переходит на результативное состояние объекта именно при достижении внутреннего предела.

Применяя данное положение к русскому языку, С. Татевосов сопоставляет частотность нереализации объекта у беспрефиксальных и префиксальных глаголов, поскольку в русском языке предельность придается глаголу посредством префиксации (Татевосов 2011)¹². По его наблюдению, частотность нереализации объекта у беспрефиксных глаголов колеблется в пределах от 2% до 12%, а частотность нереализации объекта у префиксальных глаголов СВ — 0%¹³. В его работе приводятся иллюстрации с глаголами «писать» и «написать».

(35) Когда я пришел, Володя *писал*.

(36) а. Когда я пришел, Володя *написал письмо*.

б. *Когда я пришел, Володя *написал*.

Соотношение аспектуальных значений и реализации аргументов — весьма сложный вопрос, и этому нужно посвятить отдельную статью. Здесь лишь покажем результаты маленького эксперимента к дополнению утверждения С. Татевосова. При проведении эксперимента нас интересовали два вопроса. Во-первых. Выше мы отметили, что глаголы с типичной сочетаемостью с объектом допускают опущение объекта, поэтому возникает вопрос, будут ли глаголы допускать опущение объекта, если к ним присоединить префиксы. Во-вторых. Считается, что глаголы совершенного вида допускают опущение объекта реже, чем глаголы несовершенного вида. Из этого следует вопрос, как будут вести себя глаголы вторичной имперфективации, образованные от префиксальных глаголов СВ путем суффиксации *-ыва/ва/а*.

Для эксперимента мы взяли ряды глаголов: «читать — прочитан — прочитывать», «готовить — приготовить — готовить», «шить —

¹² Надо отметить, что не все случаи присоединения префиксов приводят к появлению результирующего состояния. По мнению С. Г. Татевосова, это делимитативный по-, пердуративный про- и инцептивный за- (Татевосов 2011: 10).

¹³ Безусловно, и у префиксальных глаголов анафорический объект может быть опущен. Пример: Я попросил Володю написать *письмо*. Когда я пришел, Володя написал $\emptyset$ (Татевосов 2011: 18).

сшить — сшивать», «есть — съесть — съедать». Глаголы «читать», «готовить», «шить», «есть» имеют типичную сочетаемость с объектом и потому легко подвергаются абсолютивации. Ниже в таблице представлены результаты анализа этих глагольных пар, рядом с каждым глаголом указана процентная доля его абсолютивных употреблений на 100 единиц-употреблений, отобранных в НКРЯ¹⁴.

Беспрефиксальный НСВ		Префиксальный СВ		Префиксальный НСВ	
Читать	14%	Прочитать	0%	Прочитывать	0%
Готовить	15%	Приготовить	1%	Приготовлять	0%
Шить	17%	Сшить	2%	Сшивать	0%
Есть	16%	Съесть	0%	Съедать	0%

Анализ показывает, что хотя производящие глаголы НСВ легко допускают опущение объекта, но производные путем префиксации от них глаголы СВ почти не допускают имплицитный объект, что соответствует утверждению С. Г. Татевосова. Такая тенденция наблюдается не только у префиксальных глаголов СВ, но и у префиксальных глаголов НСВ, т. е. глаголов вторичной имперфективации. Значит, беспрефиксальные глаголы НСВ обозначают процесс, несоотнесенный с пределом, в то же время префиксальные глаголы НСВ, как и префиксальные глаголы СВ, обозначают предельный процесс. Таким образом, беспрефиксальные глаголы, с одной стороны, и образованные от них префиксальные дериваты СВ и НСВ, с другой, различаются событийной структурой.

Однако в Корпусе встречаются единичные употребления префиксальных глаголов СВ с опущением объекта (см. (37)–(39)). Из примеров видно, что глаголы СВ употребляются в значении потенциальности. Как было сказано выше (3.1), при потенциальности действий информация об объекте действия передвигается в фоновую сферу, что снижает выделенность объекта, и тем самым способствует его опущению. Значит, здесь потенциальность действий преобладает над предельностью, и это мотивирует опущение объекта. Таким образом, вышеперечисленные факторы опущения объекта действия могут взаимодействовать друг с другом.

(37) И мой муж, и сыновья могут делать все: и *постирают*, если надо, и *приготовят* [Н. Радулова. Добрый совет. *Огонек* (2015)].

¹⁴ Метод сбора материалов следующий. Путем поиска вышеназванных глаголов в Основном корпусе НКРЯ были собраны употребления глаголов в первых 10 страницах. Затем из них по каждому глаголу для анализа были взяты 100 единиц-употреблений, относящихся к периоду с 1980 г. по настоящее время.

(38) Компьютер да принтер самый простой. Сами *наберут, напечатают* и сами *сошьют*. Бумагу им поэты приносят [М. Бару. Замок с музыкой. *Волга* (2013)].

(39) Компьютер сверстает, выведет страницу, машина *отпечатает, сфальцует, сошьет* [А. Кирилин. Мой брошенный дом. *Сибирские огни* (2012)].

5. Выводы

Итак, мы проанализировали случаи опущения объекта в русской абсолютивной конструкции с переходным глаголом. В отличие от контекстуального, ситуативного эллипсиса, рассмотренное явление не мотивировано информативной избыточностью и считается семантически и структурно полноценным. В данной работе мы попытались прояснить механизм опущения объекта. При этом мы исходили из положения о том, что опущение какого-нибудь компонента сигнализирует о его низкой выделенности на информативном и семантическом уровнях.

Под низкой информативной выделенностью объекта мы понимаем случаи, в которых объект не имеет определённого референта и информация о нем передвигается в фоновую сферу. Это бывает когда об объекте действия нельзя упомянуть в силу неизвестности (неограниченная кратность действий) или неважности (фокус не на объекте действия).

При этом, низкая семантическая выделенность объекта характерна для глаголов, которые по своей семантике «намекают» на объект. Это глаголы с типичной сочетаемостью. Поэтому глаголы с широкой сочетаемостью с объектом реже подвергаются абсолютивации. Из этого следует, что, когда объект получает большую семантическую значимость, он не может быть опущен. Это бывает при глаголах, содержащих указание на результативность объекта. Чтобы проверить данное положение, было проанализировано несколько пар беспрефиксальных глаголов НСВ и их префиксальных дериватов СВ и НСВ, поскольку префиксы придают глаголу предельность. Параллельно было отмечено, что регулярное опущение объекта вносит изменение в семантику глагола и в модель его управления, т. е. в транзитивность.

Итак, в результате анализа было выявлено, что на возможность опущения объекта воздействуют разные факторы, относящиеся к информативному и семантическому уровням, но все они связаны с низкой выделенностью объекта. Мы думаем, что такой подход может быть применен при анализе опущения других аргументов глагола.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова Галина. *Новое в синтаксисе современного русского языка*. Москва: Высшая школа, 1990.
- Апресян Юрий. «Лингвистическая терминология словаря». *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Москва: Школа «Языки славянской культуры», 2003.

- Апресян Юрий. «Типы соответствия семантических и синтаксических актантов». *Проблемы типологии и общей лингвистики*. СПб.: «Нестор-История», 2006: 15–27.
- Ахманова Ольга. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия, 1966.
- Боброва Галина. «Некоторые случаи безобъектного употребления переходных глаголов». *Вопросы структуры и функционирования русского языка*. Томск: Издательство Томского университета, 1979: 71–80.
- Карданова М. А. *Русский язык. Синтаксис: учебное пособие*. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2012.
- Князев Юрий. *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. Москва: Языки славянских культур, 2007.
- Князев Юрий. «Неопределенно-личные предложения в русском языке на фоне других конструкций с неназванным субъектом». *К 150-летию кафедры общего языкознания СПбГУ*. Санкт-Петербург, 2015: 140–150.
- Летучий Александр. «Опущение прямого объекта и близкие процессы в арабском языке в сопоставлении с русским (на материале лингвистических корпусов)». А. Е. Кибрик (ред.). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2010.
- Муравенко Елена. «Глаголы со значением управления: утрата переходности». *Вестник Томского государственного университета. Филология* 51 (2018): 31–46.
- Нам Хе Хён. «Семантика абсолютивной конструкции в русском языке и антипассив». *Studia Slavica Hungaricae* 1 (2020).
- Норман Борис. *Грамматика говорящего*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994.
- Норман Борис. *Жизнь словоформы*. Москва: Флинта, 2016.
- Падучева Елена, Розина Раиса. «Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства». *Вопросы языкознания* 6 (1993): 5–16.
- Сай Сергей. «Эллиптические конструкции: структура и функционирование (на материале русского языка)». *Дипломная работа*. СПб.: СПбГУ, 2002.
- Сигал Кирилл. «Сочинительный ряд как синтаксический контекст абсолютивного употребления переходного глагола». *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 2 (2018): 157–160.
- Татевосов Сергей. «Событийная структура некоторых приставочных глаголов». *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология* 1 (2011).
- Шведова Наталия и др. *Русская грамматика*. Т. 1. Москва: Наука, 1980.
- Шмелев Дмитрий. *Проблемы семантического анализа лексики*. Москва: Наука, 1973.
- Янко-Триницкая Надия. *Возвратные глаголы в современном русском языке*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962.
- Aikhenvald Alexandra Y., Dixon, Robert M. W. *Language at Large: essays on syntax and semantics*. Leiden, Boston: Brill, 2011.
- Brisson Christine. «The Licensing of Unexpressed Objects in English Verbs». *Proceedings of the Chicago Linguistic Society's 30th Regional Meeting with a Parasession on Variation and Linguistic Theory*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1994: 90–102.
- Fillmore Charles J. «Pragmatically Controlled Zero Anaphora». *Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, CA: BLS, 1986: 95–107.
- Goldberg Adele. «Patient arguments of causative verbs can be omitted: The role of information structure in argument distribution». *Language Sciences* 23/4–5 (2001): 503–524.
- Jackendoff Ray. *Semantic Structures*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Levin Beth. *English Verb Classes and Alternations*. University of Chicago Press, 1993.
- McShane Marjorie. *A Theory of Ellipsis*. Oxford University Press, 2005.
- Olsen Mari Broman, Resnik Philip. «Implicit object constructions and the (in)transitivity continuum». *Proceedings of the 33rd Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago, IL: CLS, 1997: 327–336.
- Rappaport Hovav Malka, Beth Levin. «Building Verb Meanings». M. Butt, W. Geuder. (eds.). *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*, Stanford, CA, CSLI Publications, 1998: 97–134.

- Rappaport Hovav Malka, Beth Levin. «Reflections on manner result complementarity». Malka Rappaport Hovav, Edit Doron, Ivy Sichel. (eds.). *Lexical Semantics, Syntax, and Event Structure*. Oxford: Oxford University Press, 2010: 21–38.
- Resnik Philip. “Selectional constraints: An information-theoretic model and its computational realization”. *Cognition* 61/1–2 (1996): 127–159.
- Ruda Marta. *On the Syntax of Missing Objects: A study with special reference to English, Polish, and Hungarian*. John Benjamins, 2017.
- Tenny Carol L. «Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface». *Studies in Linguistics and Philosophy*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1994.
- van Hout Angeliek. “Event Semantics of Verb Frame Alternations”, Doctoral dissertation, University of Tilburg, 1996.
- Weiss Daniel. “Die Faszination der Leere: die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null”. *Zeitschrift Fur Slavische Philologie* 53/1 (1993): 48–82.

LITERATURE

- Aikhenvald Alexandra Y., Dixon, Robert M. W. *Language at Large: essays on syntax and semantics*. Leiden, Boston: Brill, 2011.
- Akhmanova Ol'ga. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Moskva: Sovet-skaya entsiklopediya, 1966.
- Akimova Galina. *Novoye v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva: Vysshaya shkola, 1990.
- Apresyan Yuriy. «Lingvisticheskaya terminologiya slovary». *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Moskva: «Yazyki slavyanskoy kul'tury», 2003.
- Apresyan Yuriy. «Tipy sootvetstviya semanticheskikh i sintaksicheskikh aktantov». *Problemy tipologii i obshchey lingvistiki*. SPB.: «Nestor - Istoriya», 2006: 15–27.
- Bobrova Galina. «Nekotoryye sluchai bezob'yektnogo upotrebleniya perekhodnykh glagolov». *Voprosy struktury i funktsionirovaniya russkogo yazyka*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1979: 71–80.
- Brisson Christine. «The Licensing of Unexpressed Objects in English Verbs». *Proceedings of the Chicago Linguistic Society's 30th Regional Meeting with a Parasession on Variation and Linguistic Theory*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1994: 90–102.
- Fillmore Charles J. «Pragmatically Controlled Zero Anaphora». *Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, CA: BLS, 1986: 95–107.
- Goldberg Adele. “Patient arguments of causative verbs can be omitted: The role of information structure in argument distribution”. *Language Sciences* 23/4–5 (2001): 503–524.
- Jackendoff Ray. *Semantic Structures*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Kardanova M. A. *Russkiy yazyk. Sintaksis: uchebnoye posobiye*. 2-e izd., ster. M.: Flinta: Nauka, 2012.
- Knyazev Yuriy. *Grammaticheskaya semantika: Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007.
- Knyazev Yuriy. «Neopredelenno-lichnye predlozheniya v russkom yazyke na fone drugih konstruktsiy s nenazvannym sub'yektom». *K 150-letiju kafedry obshhego jazykoznanija SpbGU*. Saint Petersburg, 2015: 140–150.
- Letuchiy Aleksandr. «Opushcheniye pryamogo ob'yekta i blizkiye protsessy v arabskom yazyke v sopostavlenii s russkim (na materiale lingvisticheskikh korpusov)». A. Ye. Kibrik (ed.). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. Po materialam yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog»*, 2010.
- Levin Beth. *English Verb Classes and Alternations*. University of Chicago Press, 1993.
- McShane Marjorie. *A Theory of Ellipsis*. Oxford University Press, 2005.
- Muravenko Yelena. “Glagoly so znacheniyem upravleniya: utrata perekhodnosti”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* 51 (2018): 31–46.
- Nam Hye Hyun. “Semantika absolyutivnoy konstruktssii v russkom yazyke i antipassiv”. *Studia Slavica Hungaricae* 1 (2020).
- Norman Boris. *Grammatika govoryashchego*. SPB.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1994.
- Norman Boris. *Zhizn' slovoformy*. Moskva: Flinta, 2016.

- Olsen Mari Broman, Resnik Philip. «Implicit object constructions and the (in)transitivity continuum». *Proceedings of the 33rd Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago, IL: CLS, 1997: 327–336.
- Paducheva Yelena, Rozina Raisa. “Semanticheskiy klass glagolov polnogo okhvata: tolkovaniye i leksiko-sintaksicheskiye svoystva”. *Voprosy yazykoznanija* 1993, no. 6: 5–16.
- Rappaport Hovav Malka, Beth Levin. «Building Verb Meanings». M. Butt, W. Geuder. (eds.). *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*, Stanford, CA, CSLI Publications, 1998: 97–134.
- Rappaport Hovav Malka, Beth Levin. «Reflections on manner result complementarity». Malka Rappaport Hovav, Edit Doron, Ivy Sichel. (eds.). *Lexical Semantics, Syntax, and Event Structure*. Oxford: Oxford University Press, 2010: 21–38.
- Resnik Philip. “Selectional constraints: An information-theoretic model and its computational realization”. *Cognition* 61/1–2 (1996): 127–159.
- Ruda Marta. *On the Syntax of Missing Objects: A study with special reference to English, Polish, and Hungarian*. John Benjamins, 2017.
- Say Sergey. “Ellipticheskiye konstruktсии: struktura i funkcionirovaniye (na materiale russkogo yazyka)”. *Diplomnaya rabota*. SPB.: SPBGU, 2002.
- Shmelev Dmitriy. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki*. Moskva: Nauka, 1973.
- Shvedova Nataliya i dr. *Russkaya grammatika*. T. 1. Moskva: Nauka, 1980.
- Sigal Kirill. “Coordinative chain as a syntactic context of absolutive use of the transitive verb” *Filologicheskoe nauki. Voprosy teorii i praktiki* 2 (2018): 157–160.
- Tatevosov Sergey. “Sobytiynaya struktura nekotorykh pristavochnykh glagolov”. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologiya. 1 (2011).
- Tenny Carol L. «Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface». *Studies in Linguistics and Philosophy*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1994.
- van Hout Angeliek. “Event Semantics of Verb Frame Alternations”, Doctoral dissertation, University of Tilburg, 1996.
- Weiss Daniel. “Die Faszination der Leere: die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null”. *Zeitschrift Fur Slavische Philologie* 53/1 (1993): 48–82.
- Yanko-Trinititskaya Nadiya. *Vozvratnyye glagoly v sovremennom russkom yazyke*, Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962.

Нам Хе Хун

ИЗОСТАВЉАЊЕ ОБЈЕКТА ПРЕЛАЗНОГ ГЛАГОЛА ИЗ УГЛА ЊЕГОВЕ НАГЛАШЕНОСТИ

Резиме

Овај чланак је посвећен анализи изостављања објекта у руској апсолутној глаголској конструкцији са прелазним глаголом. За разлику од контекстуалне, ситуационе елипсе, појава која се разматра није мотивисана информативном редувантношћу и сматра се семантички и структурно целовитом. У раду је предочен покушај да се идентификују механизми изостављања објекта радње, на основу става да изостављање било које компоненте указује на њену недовољну спецификацију на информативном и семантичком нивоу. Под недовољним информативним истицањем објекта подразумевамо случај када објекат нема одређени референт и информације о њему се премештају на задњи план. Ово се дешава када се објекат не може помнути због његове нејасноће (неограничен број радњи) или безначајности (фокус није на објекту радње). Ниска семантичка спецификација аргумента објекта типична је за глаголе који својом семантиком ограничавају могући опсег објеката. То су глаголи са типичном конгруенцијом. А у случајевима када објекат добије већи семантички значај, он не може бити изостављен. Пример за то би били глаголи који садрже резултативност објекта. Паралелно, чланак се бави семантичком трансформацијом глагола узрокованом изостављањем његовог објекта.

Кључне речи: изостављање објекта, наглашеност, нереперентност, ограничење, селективно ограничење.